

Песня остается

Его имя знали все — три или четыре поколения людей, населявших нашу необъятную страну.

Слова его стихов, ставших песнями, помнят наизусть даже те, кто считает поэзию чем-то, не стоящим внимания.

«Любимый город может спать спокойно», «У меня такой характер, ты со мною не шути», «Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч», «Друзья, люблю я Ленинские горы», «Комсомольцы - добровольцы», «Если бы парни всей земли» — эти и многие другие песни не только зарубки на кремнистых путях нашей истории. Это зарубки на сердцах наших, и ничего с этим не поделаешь. Отречься от них — значит отречься от себя.

Слава не бывает незаслуженной. Иногда незаслуженным бывает бесславие, но это — не его случай.



Песни с их огромной популярностью затмили в глазах читателей собственно стихи Евгения Долматовского и тем более его поэмы. А такая поэтическая трилогия, как «Одна судьба», особенно поэма «Пропал без вести», сказала страшную правду о войне задолго до «лейтенантской прозы», до кондратьевского «Сашки», одновременно с повестью «В окопах Сталинграда» и даже еще раньше.

Евгений Долматовский очень дорожил своим военным прошлым. В нем было все: плен, осколочное ранение в голову, бои, побег из плена, мученический путь к своим. Худого, оборванного, зарывшего в землю свои награды, его сперва не признали поэтом Долматовским...

Дом Евгения Ароновича всегда был открыт для ветеранов войны. Он любил их, и они ему отвечали тем же.

Верность любимому делу и любимым людям была органической чертой Евгения Долматовского, многое определила в его судьбе и поведении.

Юноша из интеллигентной семьи, шагнул он когда-то с инструментом мастерового в московскую подземку. И дружба с Метростроем, метростроевцами продолжалась почти 60 лет.

Около полувека отдал он Литературному институту, выпускником которого является сам, закончив его в приснопамятном 37-м году. В кровавую мясорубку угодил его отец, блестящий юрист. Молодой талант был пощажён («сын за отца не отвечает»), но рубец в душе остался вечный. И кто знает, может быть, возня с литературными младенцами, творческое отцовство, были своего рода возмещением той утраты, лекарством от никогда не смолкавшей боли.

Не «писать стихи», ибо это абсурдно, а быть верным себе и своему призванию, как бы ни брала в оборот, ни пыталась вылущить из человека все человеческое наша суровая эпоха, — вот его творчество, его жизнь.

Н. Богословский, А. Борщаговский, Э. Быстрицкая, К. Ваншенкин, Ю. Верченко, Г. Гречко, Д. Данин, А. Дементьев, Н. Добронравов, Т. Журмунская, А. Киреева-Рождественская, И. Кобзон, Л. Лещенко, Л. Либединская, С. Михалков, Л. Озеров, Л. Ошанин, А. Пахмутова, А. Симонов, В. Соколов, М. Ульянов, О. Фельцман, Я. Хелемский.

Кушуга. — 1994. 24 сент. — С. 1.